

Николай Васильевич, очень скоро послѣ своего прибытія въ Петербургъ, увидѣлъ всю несбыточность своихъ прежнихъ мечтаній.

Раньше всего ему пришлось разочароваться въ блестящей служебной карьерѣ: молодому мечтателю, собиравшемуся „защитить угнетенныхъ и невинныхъ, карать злыхъ и неправыхъ“, предложили лишь простую переписку въ одной изъ безчисленныхъ петербургскихъ канцелярій.

Находя себя совершенно неспособнымъ къ такому безжизненному занятію, Николай Васильевичъ предпочелъ совсѣмъ отказаться отъ службы и, отъ нечего дѣлать, принялся копировать картины знаменитыхъ мастеровъ въ Академіи Художествъ.

Мѣсяца три спустя, Гоголь, подъ влияніемъ, вѣроятно, чисто-матеріальныхъ обстоятельствъ, вспоминаетъ, наконецъ, свои прежніе лицейскіе опыты и посылаетъ въ журналъ *Сынъ Отечества* небольшое пятикуплетное стихотвореніе, озаглавленное *Италія*; изливая въ горячихъ строкахъ свою тоску по этой роскошной странѣ, юный поэтъ незамѣтно для самого себя описываетъ вмѣсто Италіи, которую онъ знаетъ лишь по слышкѣ, родную сердцу Малороссію.

Стихи были приняты редакціей и напечатаны въ мартовской книжкѣ за 1828 г.

Этотъ первый дошедшій до насъ трудъ начинающаго автора явился для Гоголя своего рода ласточкой, открывшею весну. Подъ влияніемъ успѣха *Италіи*, онъ поспѣшно оканчиваетъ начатую еще въ лицей идиллію *Ганца Кюхельмартенъ* и, напечатавъ подѣ вымышленнымъ псевдонимомъ Алова шестьсотъ экземпляровъ, разсылаетъ ее по петербургскимъ книжнымъ магазинамъ. Образцомъ для новаго поэтическаго труда явилась идиллія нѣмецкаго поэта Фосса, у котораго Гоголь взялъ не только мѣсто дѣйствія—Германію, но даже имя и общественное положеніе героини; кое-гдѣ замѣтно у него влияніе и пушкинскаго *Отыма*,—въ *Ганцѣ* также есть своеобразная Татьяна съ няней, сонъ Татьяны и письмо Овѣгина.

Вслѣдствіе, однако, быть-можетъ, не совсѣмъ справедливыхъ нападокъ критики, на *Ганца* совершенно не находилось покупателей, что, конечно, страшно дѣйствовало на изнервничавшаго автора: въ одну изъ тяжелыхъ минутъ онъ рѣшается на роковой шагъ—сжечь неудавшееся произведеніе, и въ какой-нибудь часъ отъ шестисотъ экземпляровъ *Ганца*, потребовавшего на свое созданіе цѣ-

первыхъ опытовъ пера начинающаго писателя,—та же участь постигаетъ потомъ и предсмертный трудъ Гоголя—второй томъ *Мертвыхъ Душъ*.

Отъ подобныхъ нравственныхъ, а также чисто-матеріальныхъ потрясеній, вообще некрѣпкое здоровье Николая Васильевича столь сильно пошатнулось, что долѣе оставаться въ нездоровомъ петербургскомъ климатѣ представлялось для него почти невозможнымъ. Онъ собирается ѣхать въ давно-манящую его Западную Европу, „страну счастья и разумаго производительнаго труда“, но при первой же встрѣчѣ съ чужими людьми, еще даже на кораблѣ, опять не можетъ не почувствовать сильной доли разочарованія и тоски по родинѣ.

Благодаря, однако, здоровому морскому воздуху, а главное, массѣ новыхъ впечатлѣній, нахлынувшихъ на путешественника въ Любекѣ, Гамбургѣ и Травемюнде, его болѣзненное состояніе улучшилось настолько, что онъ снова рѣшается приняться за прерванную литературную работу. Испытывая въ то же время настоящую, безпощадную нужду, Гоголь опять думаетъ, хотя бы не надолго, поступить на государственную службу:

Онъ получилъ мѣсто въ одной изъ канцелярій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и съ тѣхъ поръ его жизнь на нѣкоторое время какъ бы раздвоилась: утро онъ былъ вынужденъ отдавать прозаичнымъ, скучнымъ „увѣдомленіямъ“ и „доношеніямъ“, а вечера посвящались сладкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ иногда горькимъ минутамъ свободного творчества.

Первый трудъ Гоголя, выхваченный изъ жизни поэтической, родной Украйны и напечатанный въ *Отечественныхъ Запискахъ*, былъ озаглавленъ авторомъ *Вечеромъ наканунѣ Ивана Кутала* (былъ рассказанъ дьячкомъ); но редакторъ журнала, привыкшій безцеремонно обращаться съ начинающими авторами, не только сдѣлалъ въ текстѣ нѣсколько нелѣпыхъ поправокъ, но даже покусился на заглавіе повѣсти, назвавъ ее „Бисаріюкъ“. Какъ ни былъ радъ молодой писатель видѣть напечатаннымъ свой трудъ, все же своевольство редактора такъ его обидѣло, что онъ рѣшилъ навсегда отказаться отъ сотрудничества въ пріютившемъ его журналѣ.

Къ этому періоду тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствъ, долго не оставлявшихъ Николая Васильевича, относится рассказъ объ его неудачной попыткѣ поступить въ актеры Императорской сцены.

На несчастіе Гоголя, но на счастье нашей литературы, ему поручили на-

писать трагедію Гасина и Озерова. Нужно себя представить, какое невыгодное впечатлѣніе оставила неувѣренная, съ сильнымъ малорусскимъ акцентомъ, декламація Гоголемъ плавныхъ александрійскихъ стиховъ передъ театральными чиновниками, пріученными къ передачѣ ложно-классиковъ Яковлевымъ и Каратыгинымъ старшимъ! По разсказамъ очевидцевъ, Николай Васильевичъ былъ такъ обезкураженъ своимъ деботомъ, что даже не явился за отвѣтомъ дирекціи.

Вслѣдъ за появленіемъ въ печати перваго прозаическаго труда, Гоголю снова улыбнулось столько разъ измѣнявшее ему счастье—онъ получилъ сравнительно выгодное мѣсто помощника столоначальника въ департаментѣ уѣзловъ.

Въ началѣ 1831 года Гоголю удалось познакомиться съ Жуковскимъ, занимавшимъ уже въ то время почетное мѣсто воспитателя молодого Цесаревича Александра Николаевича. Находившійся на вершѣ славы, поэтъ принялъ начинающаго автора со своею обычною добротой и горячо рекомендовалъ его тогдашнему „отцу литературы“ Петру Александровичу Плетневу, къ авторитетному голосу котораго чутко прислушивались всѣ русскіе писатели, не исключая и Пушкина. Благодаря Плетневу, отнесемуся къ Гоголю на первыхъ порахъ какъ очень строгій, но вмѣстѣ съ тѣмъ тонкій и справедливый, критикъ, всѣ мелкія статьи Николая Васильевича были вскорѣ помѣщены въ альманахъ *Северные Цветы* и *Литературной Газетѣ*.

Какъ сочувственно относился Плетневъ къ Гоголю и насколько вѣрилъ онъ въ талантъ молодого писателя, можно видѣть изъ отрывковъ письма Петра Александровича къ Пушкину:

„Надо познакомить тебя съ молодымъ писателемъ, который обѣщаетъ что-то очень хорошее... Жуковский отъ него въ восторгѣ. Я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подѣ благословеніе. Онъ любитъ науки только для нихъ самихъ, и какъ художникъ готовъ для нихъ подвергать себя всѣмъ лишениямъ. Это меня трогаетъ и восхищаетъ.“

Благодаря Плетневу же, Николай Васильевичъ получилъ мѣсто учителя исторіи въ Патриотическомъ институтѣ. По разсказамъ одной изъ бывшихъ его ученицъ, „преподаваніе его было неровное, отрывочное: однихъ событій онъ едва касался, о другихъ же слишкомъ распространялся. Однажды, пробѣгая

на черной доскѣ названія-то фигуры въ родѣ горъ, площадокъ и обрывовъ; на каждомъ подъемѣ или спускѣ онъ писалъ имя государя, возвысившаго или уронившаго Францію; насъ особенно удивила высокая гора, на подъемѣ, на верхушкѣ и на подомвѣ которой стояло одно и то же имя—Людвика XIV. Мы ахнули, а Гоголь весело засмѣялся: онъ достигъ своей цѣли—увлекъ насъ. Если же, напротивъ, онъ приходилъ не въ духѣ, то звалъ, говорилъ вяло, не подымая глазъ, грызъ перо или кончикъ носоваго платка, спрашивалъ слабыхъ, насмѣхался и, не достигивъ часовъ, бросалъ урокъ и уходилъ.“

Параллельно съ занятіями въ Патриотическомъ институтѣ, Гоголь, опять-таки черезъ Плетнева, получилъ уроки русскаго языка въ аристократическихъ семьяхъ Лонгиновыхъ, Васильчиковыхъ и Балабиныхъ; въ семьѣ послѣднихъ онъ познакомился съ извѣстною Александрой Осиповной Россетъ, впоследствии вышедшей замужъ за Смирнова. Эта молодая фрейлина, оказывавшая, благодаря своей привлекательной наружности, плѣнительному обращенію, живому уму и многостороннему образованію, самое благотворное влияніе на всѣхъ тогдашнихъ выдающихся литераторовъ, не могла, конечно, не произвести сильнаго впечатлѣнія и на нашего молодого писателя, съ которымъ ее особенно связывала ихъ общая горячая любовь къ Украйнѣ.

Между тѣмъ педагогическая дѣятельность Николая Васильевича насколько не пренятетвовала его усилившемуся за послѣднее время литературному творчеству. По настоянію Плетнева, въ маѣ 1831 года онъ отдалъ въ печать четыре повѣсти изъ малороссійской жизни: *Сорочинская ярмарка*, *Вечеръ наканунѣ Ивана Кутала*, *Майская ночь* и *Пропавшая грамота*, составившія первую часть сборника *Вечеромъ на зупотъ близъ Диканьки*.

Въ томъ же мѣсяцѣ, въ одну изъ субботъ Жуковскаго, на которыя получилъ доступъ и Гоголь, онъ впервые встрѣтился со своимъ давнишнимъ кумиромъ Пушкинымъ,—собраннымъ въ эту субботу литераторы заставили прочесть своего младшаго собрата *Ночь подѣ Ивана Кутала*, послѣ чего наградили страшно волновавшаго автора шумными, единодушными рукоплесканіями.

Лѣто 1831 года Николай Васильевичъ провелъ въ Павловскѣ.

Вернувшись осенью въ столицу, Гоголь первымъ дѣломъ отправился въ типографію узнать о судьбѣ своей книги, такъ какъ ему въ теченіе все-

борщики разбѣжались изъ Петербурга, испугавшись появившейся въ то время холеры. Случайно при этомъ Николай Васильевичъ заглянулъ въ наборную и, къ своему несказанному удивленію, увидѣлъ, что оставшіеся работники, набирая его повѣсти, покачивались со смѣху—такъ сильно поддѣйствовали на нихъ гоголевскій юморъ.

Только въ половинѣ сентября *Вечера* вышли наконецъ изъ типографіи, и сразу встрѣтили полное сочувствіе, какъ въ критикѣ, такъ и въ публикѣ: первая, называя *Вечера* истинно вѣтселою книгой, сердечно желала автору дальнѣйшихъ успѣховъ, а вторая въ какіе-нибудь три мѣсяца раскупила все изданіе. На понедѣльникахъ г-жи Россетъ, дружба съ которой у Гоголя не переставала расти, Николай Васильевичъ, какъ говорятъ, удостоился читать свою *Майскую Ночь* сначала великому князю Михаилу Павловичу, а потомъ самому Государю Николаю I.

Въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ продолжалъ быть Гоголь съ Пушкинымъ, побуждавшимъ начинающаго собрата къ неустанной работѣ и старавшимся по мѣрѣ силъ восполнить пробѣлы его образованія.

„Я просто пораженъ наблюдательностью нашего молчаливика-хохла,—говорилъ про Николая Васильевича великій поэтъ,—хохолъ все видитъ, все слышитъ, схватываетъ самые неумовимые отгѣнки, особенно же все смѣшное. Но онъ не только смѣется: онъ бываетъ и грустенъ; онъ разсмѣшпитъ, но заставитъ и плакать. И помяните мое слово—раньше десяти лѣтъ будетъ русскимъ Сократомъ.“

Второй томъ *Вечеровъ*, составившійся также изъ четырехъ повѣстей—*Ночь передъ Рождествомъ*, *Иванъ Федоровичъ Шпоцка* и *его тетюшка*, *Страшная мѣсть* и *Заколдованное мѣсто*—былъ встрѣченъ публикой съ тѣмъ же сочувствіемъ, какъ и первый. Полныя красоты описанія природы благословенной Украйны въ связи съ поэтическими картинами быта простонародной малороссійской жизни видимо привлекли общее вниманіе всѣхъ читателей. Бѣлинскій прекрасно сказалъ про *Майскую ночь*: „читайте ее въ зимній вечеръ у пылающаго камелька, и вы забудете о зимѣ съ ея морозами и метелями; вамъ будетъ чудиться свѣтлая, прозрачная ночь благословеннаго юга, полная чудесъ и тайнъ.“

Неудовлетворяясь въ то же время своею славой, какъ поэтъ-беллетриста, Николай Васильевичъ, приготовляя къ печати новый сборникъ раз-

Малороссіи. Эти занятія исторіей вѣроятно и навели Гоголя на мысль, что его истинное призваніе быть ученымъ историкомъ; при содѣйствіи своихъ друзей, Плетнева и другихъ, ему дѣйствительно удалось получить мѣсто адъюнкты-профессора исторіи въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, но только двѣ лекціи—ветупительная и прочтенная въ присутствіи Жуковскаго и Пушкина, къ которымъ онъ очевидно долго готовился,—понравились его слушателямъ, а остальные не могли, конечно, скрапить своимъ, хотя и живымъ, картиннымъ представленіемъ минувшихъ событій, недостаткомъ научныхъ познаній лектора; черезъ годъ Гоголь безъ сожалѣнія покинулъ профессорскую кафедру.

Недолго занимался Николай Васильевичъ и *Исторіей Малороссіи*; по его словамъ, онъ помѣшался въ то время на комедіи, которая не выходитъ у него изъ головы,—„примусь за исторію, передо мной движется сцена, шумитъ апллодисменты; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ кресель и оскалываютъ зубы,—и исторія къ чорту“.

Занятія, между тѣмъ, историческими памятниками если не привели его къ созданію задуманной имъ исторіи Малороссіи, то принесли роскошный плодъ—повѣсть *Тараса Бульбу*, эту дивную эпопею казачества; она вмѣстѣ со *Старосветскими помѣщиками*, *Віемъ* и *Повѣстью о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ* составила новый сборникъ Гоголевскихъ повѣстей *Миргородъ*. Необходимо замѣтить при этомъ, что въ *Старосветскихъ помѣщикахъ*, начатыхъ съ обычнымъ свѣтлымъ юморомъ, свойственнымъ Николаю Васильевичу, смѣхъ повтаписателя при описаніи смерти Пульхеріи Ивановны впервые зазвучалъ и неподдѣльною скорбью.

Въ слѣдующемъ, за *Миргородомъ*, сборникъ произведеній Гоголя, носившемъ скромное заглавіе *Арабесокъ* и уже всецѣло посвященномъ жизни петербургскаго общества, знаменитый гоголевскій „смѣхъ сквозъ слезы“ становится все сильнѣе и сильнѣе; авторъ беспощадно здѣсь „насмѣхается надъ погруженіемъ живой человѣческой души въ тину жизненной мелочности и пошлости“, но въ этихъ насмѣшкахъ слышится въ то же время его глубокое состраданіе къ измелъчавшему человѣку.

Въ началѣ 1836 года Николай Васильевичъ, наконецъ, завершилъ отдѣлку давно имъ задуманной пятиактной комедіи *Ревизора*, сюжетъ для

главнымъ образомъ, вслѣдствіе историческаго желанія императора Николая I, замѣчательная пѣса, составляющая до сихъ поръ одно изъ лучшихъ украшеній русскои сцены, была разрѣшена къ постановкѣ на подмосткахъ Александринскаго театра.

Первое представленіе комедіи, происходившее въ присутствіи Государя, 19 апрѣля 1836 года, повергло зрителей по словамъ очевидцевъ, въ полное недоумѣніе: одни, люди старшаго поколѣнія, называли пѣсу либеральною, революціонною и находили, что ставить подобныя вещи—значитъ развращать общество; другія, чиновныя лица, видѣли въ *Ревизорѣ* лишь сплошную клевету, допущенную авторомъ ради смѣха; въ общемъ же вся публика, бывшая въ театрѣ, разошлась въ сильномъ негодованіи на смѣлаго драматурга, дерзнувшаго такъ мѣтко и вѣрно направить стрѣлы своей сатиры; у Императора, по окончаніи комедіи, вырвались знаменательныя слова:

— Ну, пѣска! Вѣзмъ досталось, а больше всѣхъ мнѣ.

Не менѣе зрителей остался недоуменъ и самъ Гоголь; по его признанію, комедія, вслѣдствіе безобразной игры актеровъ, пріученныхъ къ французскимъ водевилямъ, „показалась ему со сцены противною, дикою, какъ будто не принадлежащею ему“; еще болѣе огорчала автора брань, съ которою обрушились признанные и непринятые критики на непоправившуюся имъ пѣсу.

Другъ писателя Прокоповичъ разсказываетъ, что когда Николай Васильевичъ возвратился изъ театра и онъ поднесъ ему только-что присланный изъ типографіи экземпляръ *Ревизора*, то Гоголь швырнулъ книгу на полъ и воскликнулъ:

— Господи Боже! Еслибъ одинъ, двое ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ!

Пониманіе небольшого кружка передовыхъ людей, подмѣтившихъ въ новой комедіи глубокой психологической анализъ и захватъ серьезныхъ общественныхъ явленій, не могло удовлетворить потрясеннаго всѣмъ перепитымъ авторомъ *Ревизора*, и онъ, съ цѣлью отдохнуть и развлечься, собирается со своимъ неразлучнымъ другомъ Данилевскимъ снова ѣхать за границу.

Наканунѣ самаго отъѣзда у Гоголя всю ночь напролетъ просидѣлъ Пушкинъ, видѣвшійся со своимъ гениальнымъ ученикомъ въ послѣдній разъ передъ вѣчною разлукой.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. Л. И.